

заработать столько денег, сколько нужно, если приняться работать как следует. Полянский принялсЯ работать сколько мог. А силы работать было у него столько, что отдыха ему не было нужно, кроме часов сна. — Счастье опять повернулось в его сторону: отец и мать решили проводить уезжавших и пожить на даче у младшей дочери до конца лета. А отъезд брата был назначен в половине мая. Таким образом, благосклонность судьбы к Полянскому дала мыслям стариков направление, доставлявшее ему три с половиной месяца прибавочной отсрочки.

Д.

Он хотел выех[ать] из Л[ондона] по т[а]к[ому] расчету времени, чтобы приех[ать] в родн[ой] город в сам[ый] день возвращения отца и м[атери] туда. Но и этот его расчет расстроился: на письмо, в котором спрашивал, когда отец и мать поедут домой, он получил ответ, что они будут дожидаться его на даче у младшей дочери. Обе сестры, мужья их и брат прибавляли от себя просьбу приехать пожить с ними хоть неделю. Как быть! — В конце августа он приехал в тот большой приволжск[ий] город и ему пришлось прожить на даче у младшей сестры с месяц.

— Долго останешься ты с нами, — спросили его отец и мать по возвращении в родной город.

— Посмотрю, сколько будет можно.

— А тебе надобно скоро вернуться в Лондон?

— Нет, могу и не спешить.

— Но ты скоро соскучишься здесь.

— Не знаю; когда соскучусь, скажу, и вы не станете удерживать меня.

Прошло полгода. Он все не говорил, что соскучился.

— Сережа, не может быть, чтобы ты не соскучился, — говорили отец и мать.

— Если бы соскучился, сказал бы.

— Но как же не соскучишься? — здесь и книг нет, кроме тех, какие ты привез.

— Пока довольно с меня тех, какие привез я.

Пришла весна. Младшая сестра и ее муж приехали взять стариков жить к себе на дачу.

5. ФРАГМЕНТЫ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

а.

Очаровательна любимица вечно-весеннего солнца, юго-западная окраина благодатной Катанийской равнины, безопасная от потоков огня Этны, нетревожимая громами ее, неомрачаемая тучами ее, оградой хребтов защищенная и от стужи бурь из земель снежных, и от зноя ураганов из африканских песков; несмущаем тревогами больших городов и шумом больших дорог мирный сельский уголок, где легка работа простых людей, верна и щедра от ласковой матери-природы награда ей: быстрыми чередами, без перерыва целый год, сменяются тут в золоте нив и румянце садов обильные жатвы хлебов, роскошные сборы плодов. И около синих спокойных озер, вдоль по лазуревым тихим рекам, вверх по жемчужным звенящим ручьям вечно свежие, пестрят цветами ковры лугов; неувядаемые зеленеют боскеты миртов по склонам холмов и, краса высокой растительности юга, чинаровые леса по горам.

Счастье человеку севера, счастье труженику миролюбивой науки жить в этой мирной области света и тепла без помех, приволен здесь труд, и полон радости отдых, время полдня: благоухает ароматами лугов освежительный ветерок с вольного моря и наслаждение дышать; солнце греет грудь; от блесков его сияет все кругом, и светлыми мыслями думается обо всем; даже и о дальнем северо-востоке, когда думается о нем.

Мне думается о нем. И часто, и много. Но не мое оно во мне, влечение моих мыслей обращается к нему. С давних лет, с первых лет моей молодости охладело сердце мое к моему краю. Был я мыслями чужой ему, когда еще жил

в нем. А теперь, давно далекий от него, сам по себе я отвык бы и помнить о нем.

Но та, которую слушать радость моя, любит говорить мне о нашем родном крае. Оттого мои думы о нем. Оттого они милы мне. Остаются в них неразлучны мысли мои с тем, (что) слышат уши, чем любуются глаза мои. И все, что воображается мне о нашей родине, видится мне озаренное яркими лучами согревающего грудь мою вечно весеннего солнца.

Мне думается: много в нашей родной стране разумных и добрых, достойных любви. И пусть несет первый лист книги солнца привет из страны вечной весны от чужого своим в страну вьюг.

6.

Рассказы А. М. Левидкого

Рассказ первый. В гостиной, за чайным столом

Добрые наши гости и гости,

Элия Васильевна, за обедом ныне, сказала мне что должен буду ныне же познакомиться с вами: перед обедом была у нее Диана Валентиновна, сказать ей, что мысли Авроры Владимировны о Белом зале понравились вам, и что на ученых вечерах вам угодно быть моими слушательницами и слушателями, собеседницами и собеседниками. — «Я очень рада, что представляется тебе новый отдых, легче газет».

«Когда ты рада этому, Лелленька, то и я рада». — «Они собираются всем обществом сделать после обеда маленькую прогулку по озерам, в удовольствии Рохингаму и его товарищам, самим себе и мне. Диана Валентиновна пойдет на яхту пораньше других; зайдет за мной. Она хочет, чтоб я пригласила их с прогулки пить чай к нам. Скажи, как условливаться ей с ними о тебе?» — «Что ж, Лелленька, мне все равно». — «Тебе досуг будет посидеть с ними вечер?» — «Досуг». — «Так за чаем и начнешь рассказывать». — «Хорошо. Только вот что, Лелленька: о чем любопытнее им будет слушать?» — «Этого не умею сказать тебе, не знаю». — «Стало быть, я попрошу Диану Валентиновну, чтоб она спросила у них». — «Это прекрасно, мой милый».

И принялся я после обеда за газеты; предполагал, что с моей стороны дело кончено, и думать мне о нем нечего. Но нет. Слишком понадеялся я на вас, добрые наши гости и гости. Пришла Диана Валентиновна, и что же говорит мне? — «Говорит мне вот что: — «Я несколько раскаиваюсь, что сделала такое обременение вам. Если бы знала, то и не стала бы говорить Лелли об этом. А Лоренка пошла было со мной к вам и убежала; так ей стыдно». — Элия Васильевна замечает: — «Нечего было не знать нам. Лоре стыдно только потому, что она избалованная девушка. И вам, Элли, брать с нее пример не для чего». — «Я и не беру примера с нее, Лелли. Не убежала, как видите, пришла». — «И не раскаивались бы. Не в чем». — «Пусть будет повашему. Не раскаиваюсь». — «В самом деле, Диана Валентиновна, — говорю я, — какое ж тут обременение мне? Лелленька даже рада; потому что, действительно, это будет мне отдых, еще легче газет. Вероятно, она и вам сказала так». — «Разумеется, — говорит Элия Васильевна, — я сказала это и Диане Валентиновне. Но она и сама знала. Ты слышал: если б она не думала так, то и не стала бы говорить мне об этом их желании». — «Правда, — говорит Диана Валентиновна, — и Лелли, и мне казалось так. Но мы с нею ошибались. Это не отдых; это труд». — «Говорить-то труд?» — говорю я. — «Говорить не трудно; но делать справки». — «Если иной раз вздумается мне положить газеты, взять какую-нибудь книгу, для разнообразия, то еще невелика беда мне. Это будет прихоть для разнообразия; в удовольствие мне самому, а не по надобности для рассказа вашему обществу. Для рассказа это было бы лишней роскошью. Что не удержалось в памяти рассказывающего, не удержалось бы в памяти слушающих; поэтому вовсе лишнее для рассказа, не годится в рассказ». — «Да что ты толкуешь Диане Валентиновне? — говорит Элия Васильевна. — Мы с нею неучные; мы никогда не слышали, не говорили, не думали об этом; и не можем даже понимать этого». — «Ах, понимала и я, —

говорит Диана Валентиновна. — Но когда все говорят: «не так», перестаешь понимать». — «Действительно, — говорю я. — Напрасно говорить об этом с вами, Диана Валентиновна. Надоно мне только попросить вас, чтобы вы спросили у вашего общества, о чем...» — «Довольно. Понимаю. Я так и знала, что вы захотите предоставить выбор обществу. И предложила им за обедом переговорить об этом. Они хотели бы просить вас прочесть им курс философии. Вы согласитесь?» — «О, с удовольствием». — «Превосходно. А на много вечеров разрешены этим мои ученые вопросы?» — «Сейчас рассчитываем: О сущности религии вообще; об особенностях важнейших религий; характеристика главных философских школ; система Спинозы; и, после этого подготовительного обзора, подробное изложение содержания трудов Фейербаха. Это займет вечеров... вечеров семнадцать». Элия Васильевна смеется: — «Не семнадцать бы, а сто семьдесят; и каждый вечер и до самой бы полночи: вот была бы я довольна! А вы, Энни?» — «Была бы счастлива! Как, однако, мы с вами, Лелли, сходимся в любви к философии!» — «Не к философии только в особенности, — выражаясь по-ученому, — а к науке вообще». — «Да, да, все науки хороши, но только не для меня, потому что у меня две дочери, почти невесты, а сын строит полярную стену. Вам, Лелли, еще можно бы слушать со вниманием курс философии». — «Благодарю за совет». — «Не стоит благодарности, потому что вы не воспользуетесь им. Зовите Володю и Сережу.» — «Дадут они вам заниматься делом на яхте?» — «Не наша с вами забота. Элоиза Арсеньевна просила, чтобы вы привели их». — «А она уж там?» — «Как же». — «И вы пустили ее?» — «Должна была бы я держать себя с нею, как вы держите себя с Лоренькой. Но не могу. Не боится меня Элоиза Арсеньевна: не слушается. Слушайтесь же хоть вы и ее, и меня вместе. Зовите Володю и Сережу». — «Вышла бы замуж Элоиза Арсеньевна; и были бы у нее свои ребятишки; и не нужно б было ей чужих». — «Так. Но не вышла. И необходимы ей ваши». — «Подождет, пока придут со всем обществом. Володя не маленький. Увидит, когда пойдут все, подойдем с братом. Не все же водить мне их за руки». — «Так идем». — «Идем. Только вы забываете, Энни, какой человек мой Александр Михайлович. Я все ждала, вы сами скажете ему. Не сказать, разве он догадается?» — «Мой милый, ты поблагодари общество. Этим выбором они хотели сделать приятное тебе». — «Что это вы, Лелли? Да нет же, вовсе нет! Александр Михайлович, не верьте ей!» — «Оно точно, Диана Валентиновна, мне и в голову не приходило. Но чему тут верить или не верить? Согласитесь: дело очевидное». — «Не хочу спорить. Но, по крайней мере, я тут ни при чем. Не подговаривала». — «На вас, Диана Валентиновна, я и не подумал». — «На кого же?» — «О, уж не такой я простяк, в самом деле, чтобы сомневаться вам, Диана Валентиновна, догадываюсь ли я, на кого надобно думать: это устроила Аврора Владимировна». — «Конечно, так. Еще за обедом, — лишь сказала я, что говорила Лелли о их желании, и что вы не откажетесь, и они могут выбирать, — и в ту же минуту несколько человек в один голос заговорили о философии, — я тогда же подумала на Лореньку. А теперь, когда она убежала, — и сомнения не должно быть». — «Полноте, вы оба», — говорит Элия Васильевна. — «Ах! Не защищайте, Лелли! У нее столько фантазий». — «У избалованной девушки не может не быть фантазий. И, без сомнения, она ожидает от этого курса философии необыкновенной пользы обществу. А все-таки, можно ручаться: и она не подговаривала». — «Кто же, скажите!» — «По всей вероятности, никто». — «А и действительно», — сказала Диана Валентиновна, несколько подумавши.

Первыми заговорили о философии...